

SHAIZADA TOKHTABAYEVA

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8605-6253>

Institute of Oriental Studies named after R. B. Suleimenova

ОБРАЗ КУЗНЕЦА В ТРАДИЦИОННОМ МИРОВОЗЗРЕНИИ КАЗАХОВ XIX – 1-ОЙ ПОЛ. XX ВВ.: МИФ И РЕАЛЬНОСТЬ

Image of a Blacksmith in the Traditional World View of Kazakhs in 19th – first Half of 20th Centuries

Ключевые слова: этнология, компаративистика, Центральная Азия, новое время, архетипы

KEY WORDS: ethnology, comparative studies, Central Asia, modern era, archetypes

АБСТРАКТ: The article analyzes the multi-faceted personality of the Kazakh blacksmith in ethnotraditional perception compared with the culture of other nations. Such parameters as birth and “magical” diversion of hereditary gift, professional etiquette and the social status of the blacksmith have been considered. The attention has been paid to such qualities of the blacksmith as spiritual self-control, lack of greed, strength and nobility of character. The mentioned is justified by the idea that the moral defects of a master can enter into conflict with his sacred activities which could lead his family to misfortune.

1

Кузнечное дело было развито по всему миру, что было неотъемлемой чертой цивилизационного развития. На территории Казахстана художественная обработка металла восходит к андроновскому периоду XVIII–VIII вв. до н.э., искусству ранних кочевников VII–V вв. до н.э., традициям средневекового периода VI–XVIII вв. (Тохтабаева 2005, 27-48). Рудокопы из казахской среды занимались разработкой металла (меди, олова золота, серебра,) и его выплавкой в XVI–XVII веков вплоть до конца XIX – нач. XX веков (Масанов 1961, 152).

Особенности ремесла по обработке металла у казахов заключаются в отсутствии цехов, что было неприемлемо в условиях кочевого образа жизни. Металлообработчики работали иногда в одном ауле, но в одиночку, передавая по наследству ремесленные навыки, а также инструментарий; мастерской им служила старая юрта. Казахский кузнец XIX в., знал соотношения металлов

для успешной плавки, мог изготавливать котлы, ковать полусабли, длинные ножи (Валиханов 1961, 464), изготавливать ювелирные украшения, сельскохозяйственный инвентарь, декоративные бляхи для декорирования предметов жилищной среды. Если в XVIII в. мастера делились на ювелиров и кузнецов, то в XIX в. эти специализации бывало совмещались в одной личности кузнеца.

Кузнечное дело, связанное с практической стороной жизни, было всегда затребовано, вплоть до 2-ой пол. XX в., т.е. до тех пор, пока бытовой металлический инвентарь не стал поставляться промышленностью.

2

Рождение дара металлообработчика отображено в многочисленных рассказах родных и близких, а также самих кузнецов (Тохтабаева 1972–1998). Избранника вначале одолевала неизлечимая болезнь, затем во сне ему неоднократно являлся предок-мастер, который вручая избраннику молоток, тиски или другие инструменты, настоятельно убеждал его заняться металлообработкой. До тех пор, пока избранник не брался за дело, болезнь его не оставляла. Необычайность творческой деятельности кузнеца проявляется и в том, что художественные озарения приходят обычно во сне. Стало быть, занятие ремеслом для «избранника» становится необходимостью, от него постоянно требуется выход творческой энергии, ниспосланной “свыше”. Описанные явления соотносятся с «рождением» шамана, что входит в контекст общемировой идеи избранничества (Штернберг 1936, 140ссл.). Согласно полевым материалам, не только шаманы, кузнецы и ювелиры, но и каждый человек должен следовать своему сущностному, чаще наследственного характера, призванию. В противном случае, как считают до сих пор казахи, отказ от своего предназначения не даст открытых дорог, жизненного везения.

3

Сложность ремесла требовала не только смекалки, знаний, но и трудолюбия, концентрации творческих усилий мастера. Мастер должен был знать свойства металлов и их соотношений для сплавов, искусно владеть техническими приемами, обладать конструктивным чутьем, быть знатоком этнических символов, хранителем местных художественных традиций и вместе с этим быть ориентатором новых эстетических ценностей. В работе кузнеца отсутствовала коллективность труда, за исключением литья пиршественных котлов. Такой характер труда способствовал изолированности, замкнутости его внутреннего мира.

Профессиональный этикет проявлялся в том, что перед работой мастер обращался к Патрону кузнечного дела с короткой молитвой и просьбой о ниспослании удачи в работе. После этого он молча прикасался к мехам либо наковальне, а затем, закрыв глаза, несколько раз гладил ладонями лицо. Этикет касался также духовного самоконтроля: ему следовало гнать от себя негативные мысли, обиду, зло, всячески изживать в себе человеческие слабости, не допускать стяжательства, так как считалось, что нравственные пороки мастера могут войти в конфликт с его сакральной деятельностью и привести его или семью к несчастью. Все это способствовало формированию сдержанности в чувствах, твердости и благородства духа. Кузнецы отличались атлетическим телосложением, прямой осанкой, твердой и неторопливой походкой, скупыми жестами и немногословием. Вместе с этим существуют противоположные примеры внешних характеристик образа кузнеца. К примеру, в древнегреческой мифологии описывается некрасивый хромоногий кузнец Гефест, что демонстрирует дуалистическое осмысление образа кузнеца в архетипическом сознании.

Каждый кузнец сообразно профессиональному этикету, старался передать свое умение потомку или ученику, в особенности, перед концом жизни. Это было обосновано представлением о греховности уйти в мир иной, не оставив свой опыт для дальнейшего развития искусства во благо людей. Такое правило строго соблюдалось еще в недавние времена в традиционной среде бытования, поскольку в противном случае следовало наказание как мастеру, так и его потомкам. Бывало, что кузнец, оставляя оборудованную мастерскую уходил в мир иной, в таком случае потомки обязаны были продолжать его дело. Тем не менее, в ходе полевых исследований (Тохтабаева 1972–1998) был выявлен ряд фактов, когда дети, посещая мастерскую, производили что-то по мелочи для поддержания, по их словам, здоровья. Однако, вступив в совершеннолетие, дети решили избрать иные профессиональные пути, согласно реалиям современного времени. Для этого им пришлось предварительно пройти через обряд отвода наследственного таланта «аруах қайтару». Так как предстояло свершение противоприродного ритуала, с трудом удалось найти знахарку, которая молитвами и заклинаниями смогла отвести наследственный дар за соответствующее вознаграждение. В итоге, эти инфоры, получив высшее образование, стали заниматься политикой, бизнесом, просвещением. Некоторые из них, ныне с высоким социальным положением (фамилии которых не разрешено упоминать), все-таки на досуге могут изготовить ювелирную поделку, точно определить на глаз пробу серебра и золота, что объясняют они тем, что наследственный талант, оказывается, до конца не покидает своих «избранников».

4

В осмыслении личности кузнеца традиционным мировоззрением казахов и других народов прослеживаются ряд аналогий. Связь кузнечного дела с космическим миропорядком, где наковальня соотносится с идеями неба, прослеживается у многих народов мира (Дьяконов 1990, 42). В традиции казахов кузнец ұ с т а воспринимался как личность, наделенная сверхъестественной силой, что, отчасти, определилось связью его деятельности со священным огнем (очищающей субстанцией) и железом («сакральным» металлом), осмысливавшихся в общемировом сознании древнего и средневекового периодов как субстраты, способные противодействовать зловредной нечисти (Фрезер 1980, 257; Тайлор 1989, 109). Во многих народных традициях кузнеца уважали и одновременно остерегались, ассоциируя его с колдуном (Тайлор 1989, 92), его образ сливался также с деятельностью шамана. Пиететное отношение к кузнецам, связываемых с сакральной сферой деятельности, существовало и у тюркоязычных народов Сибири; их относили к избранникам, «хранителям тайн мастерства» (Сагалаев 1990, 117). У монголов в труде «Богатырские сказания о Чингисхане», говорится о златокузнецах, создавших золотые луки и стрелы...» (Кочешков 1973, 28). У многих народов кузнец осмысливался как посредник между срединным миром людей и небесным; его образ связывался также с подземным огнем (Металл 2006, 59), что запечатлено и в древней мифологии греков (Гефест), римлян (Вулкан). Магическая сила кузнеца распространялась и на его мастерскую, инструменты, что обосновало некоторый страх у людей перед этими объектами и запрет входить без необходимости в обитель мастера. Даже после смерти кузнеца никто, за исключением потомков, не мог забрать себе инструменты из-за боязни быть наказанным, что объясняет их сохранность в мастерских, до сих пор находимых в сельских местностях.

Имеются ряды примеров (Тохтабаева 1972–1998), когда люди, вероятно, от самовнушения, излечивались от простуды, бесплодия, психического расстройства. Профиль лечения двух последних болезней, думается, соотнесён с признанием за кузнецом созидательной силы функции демиурга, устроителя вселенной, что отражено в мифологии многих народов мира. Излечивались больные, прикасаясь к «магической» наковальне, производя удары молотком. Либо кузнец с помощью мехов обдувал больного, поил его водой, вскипяченной раскаленными щипцами. Такого рода лечебные эффекты казахи объясняли синкретизмом функции шамана и кузнеца, отдавая предпочтение последнему, как более сильной личности. Следует отметить, что магической силой наделялись также железные предметы, изготовленные кузнецом; их казахи клали в качестве оберега под колыбель, у порога, во время ухода из дома,

а также рядом с роженицей для благополучного разрешения от бремени. Такие же представления прослеживаются в традициях якутов, тувинцев, дагестанцев (Саввинов 2001, 82; Вайнштейн 1974, 82; Гаджиев 1991, 62, 66) и других народов мира (Дьяконов 1990, 42).

5

Социально-экономический аспект в жизнедеятельности кузнеца у казахов, как и у якутов (Саввинов 2001, 75) отличался своеобразием. Кузнецы, обладавшие неким ореолом таинственности, чудодейственной силой, согласно традиционному мировоззрению, были уважаемы среди соплеменников. В период боевых действий кузнец изготавливал оружие (доспехи, полусабли, длинные ножи) безвозмездно. Этим он вносил свою лепту в защиту своего рода-племени, поскольку его старались не брать на войну, оберегая его жизнь. В XIX в. среди общин оседло-земледельческих районов Казахстана кузнецы, изготавливавшие сельскохозяйственный инвентарь, освобождались от ежегодных работ, получая с каждого хозяйства по 1–1,5 пуда зерновых (Казахи 1995, 41). Значимость мастеров в сознании казахов отражена также в мемориальном зодчестве XIX в.: на поминальных каменных стелах усопших кузнецов имеются изображения инструментов, необходимых, как объясняют информеры, для работы мастера в ином мире (Левшин 2009, 341).

Казахские кузнецы, как и поэты, шаманы, проявляли некоторое равнодушие к своему материальному статусу. Это было обосновано уверенностью в постоянном заработке, творческой увлеченностью, а также некоторой благодарностью к Всевышнему за дар. Вместе с тем такие черты выгодно позиционировали мастера в среде сородичей, поддерживая ими же приписанный ему имидж «необычного» человека. Обычно кузнец не оговаривал размер вознаграждения, что входило, как и его поведенческий стиль, в этикетную канву. Однако, заказчик старался по достоинству оплатить работу из-за уважения и некоторого страха перед мастером, которого боялись обидеть, а с другой – в результате образно-эмоционального осмысления казахами некоторых высокохудожественных произведений, относимых к сакральным предметам.

Очевидно, такое пиететное осмысление народом «таинственного» образа кузнеца, обосновало тот факт, что он далеко в недостаточной мере запечатлен в казахском фольклоре. Можно сказать, что некая боязнь перед этой личностью сыграла роль своего рода препоны в отображении мастера в устном народном творчестве. Приведём лишь некоторые имеющиеся данные из фольклора. К примеру, кузнец *уста* упоминается лишь в одном казахском эпосе (Ер Таргын 1958, 165), фигурирует он также в некоторых пословицах:

«Қолың ұста болсын, сөзің қысқа болсын» («Пусть руки будут умелыми, а слова краткими»), а также поговорок: «Ұста пышаққа жарымас («Кузнец без ножа») типа «сапожник без сапог») и фразеологизмы: «Ұстаның қолы көпке ортақ» («Руками кузнеца пользуются все»).

Таким образом, резюмируя изложенное, можно полагать, что казахский кузнец, отличающийся многогранностью внутренних характеристик, приобрел в традиционном сознании казахского народа статус загадочной высокопочитаемой личности, наделенной силой духа и способностью к магическим действиям. Пиететное осмысление образа кузнеца, деятельность которого связана с сакральными священным огнем и железом, свойственно многим народам мира. Его продукция: орудия труда, конское снаряжение, боевое оружие и другие изделия, часто воспринимаемые как священные предметы, были жизненно важны. Такого рода осмысление личности мастера в свою очередь мотивировало стиль его этикетной линии (сдержанность, отсутствие стяжательства), что выгодно позиционировало его среди других. В целом, окружающая среда многие характеристики в образе кузнеца трактовала как мистические, чудодейственные, что связано с архетипическими представлениями, восходящих к древнейшим периодам. Коллективное сознание людей прошлых времен, начиная со времени появления зачатков металлургии, воздвигло личность кузнеца в архетип, что и объясняет параллелизм в смысловом наполнении рассмотренного образа в таком широком пространственном диапазоне.

В прошлом преемственность наследственного ремесла была обязательной, очевидно, не только из-за экономических соображений, а также страха быть наказанным свыше Патроном, но, вероятно, из-за и получаемого эмоционального удовлетворения. Созидательный мыслительный процесс, чувство творческого озарения – все это аккумулировалось в сознании мастера и передавалось потомкам в виде наглядного примера, а возможно и на генетическом уровне. Это и объясняет тот факт, что современные потомки, отказавшись от кузнечной ремесленности, стали заниматься другой профессиональной деятельностью. Однако, многие из них сих пор чувствуют непреодолимое притяжение к металлопроизводству.

Библиография

- АРГЫНБАЕВ 1969: Argynbayev, Kh. (1969), Kazakhtyn er-turman zhabdyktary. Kazakhstan v XV–XVIII vekah. Alma-Ata. [Аргынбаев, Х. (1969), Казактын ер-турман жабдыктары. Казахстан в XV–XVIII веках. Алматы.]
- АХМЕТЖАНОВ 1996: Akhmetzhanov, K. S. (1996), Zharagan temir kigender. Bатырлардын кару-zharagy, askeri oneri, salt-dasturleri. Almaty. [Ахметжанов, К. С. (1996), Жараган темір кигендер. Батырлардын кару-жарагы, аскери онері, салт-дастурлері. Алматы.]

- Байбурин 1981: Bayburin, A. K. (1981), Semioticheskiy status veshchey i mofologiya. Material'naya kul'tura i mifologiya. Leningrad. [Байбурин, А. К. (1981), Семиотический статус вещей и мифология. Ленинград.]
- ВАЙНШТЕЙН 1961: Vaynshteyn, S. I. (1961), Istoriya narodnogo iskusstva Tuvy. Moskva. [Вайнштейн, С. И. (1961), История народного искусства Тувы. Москва.]
- ВАЛИХАНОВ 1961: Valikhanov, Ch. Ch. (1961), Sobraniye sochineniy v pyati tomakh. T. 1. Alma-Ata. [Валиханов, Ч. Ч. (1961), Собрание сочинений в пяти томах. Т. 1. Алма-Ата.]
- ГАДЖИЕВ 1991: Gadzhiev, G. A. (1991), Doislamskiye verovaniya i obryady narodov Nagornogo Dagestana. Moskva. [Гаджиев, Г. А. (1991), Доисламские верования и обряды народов Нагорного Дагестана. Москва.]
- Дьяконов 1990: D'yakonov, I. M. (1990), Arkhaicheskiye mify Vostoka i Zapada. Moskva. [Дьяконов, И. М. (1990), Архаические мифы Востока и Запада. Москва.]
- ЕР ТАРГЫН. 1958: Yer Targyn (1958), Kazakhskiy epos. Per. S. Lipkina. Alma-Ata. [Ер Таргын (1958), Казахский эпос. Пер. С. Липкина. Алма-Ата.]
- КАЗАХИ 1995: Kazakhi (1995), Istoriko-etnograficheskoye issledovaniye. Almaty. [Казахи (1995), Историко-этнографическое исследование. Алматы.]
- КОШЕЧКОВ 1973: Kocheshkov, N. V. (1973), Narodnoye iskusstvo mongolov. Moskva. [Кошечков, Н. В. (1973), Народное искусство монголов. Москва.]
- ЛЕВИ-СТРОСС 2001: Lévi-Strauss, C. (2001), Strukturnaya antropologiya. Moskva. [Леви-Стросс, К. (2001), Структурная антропология. Москва.]
- ЛЕВШИН 2009: Levshin, A. I. (2009), Opisanie kirgiz-kazach'ikh, ili kirgiz-kaysatskikh, ord i stepey. Almaty. [Левшин, А. И. (2009), Описание киргиз-казачьих, или киргиз-кайсацких, орд и степей. Алматы.]
- ЛОТМАН 2002: Lotman, Y. M. (2002), Stat'i po semiotike kul'tury i iskusstva. Sankt-Peterburg. [Лотман, Ю.М. (2002), Статьи по семиотике культуры и искусства. Санкт-Петербург.]
- МАСАНОВ 1961: Masanov, E. (1961), Kuznechnyye i yuvelirnyye remesla v kazakhskom aule. Alma-Ata. [Масанов, Э. (1961), Кузнечные и ювелирные ремесла в казахском ауле. Алма-Ата.]
- МЕТАЛЛ 2006: Metall. Mnogolikaya planeta. (2006), Moskva. [Металл. Многоликая планета (2006). Москва.]
- САВВИНОВ 2001: Savvinov, A. I. (2001), Traditsionnyye metallicheskiye ukrasheniya yakutov XIX – nachalo XX veka. Novosibirsk. [Саввинов, А. И. (2001), Традиционные металлические украшения якутов XIX – начало XX века. Новосибирск.]
- САГАЛАЕВ 1990: Sagalaev, A. M. (1990), Traditsionnoye mirovozzreniye tyurkov Yuzhnoy Sibiri. Znak i ritual. Novosibirsk. [Сагалаев, А. М. (1990), Традиционное мировоззрение тюрков Южной Сибири. Знак и ритуал. Новосибирск.]
- ТАЙЛОР 1989: Taylor, E. B. (1989), Pervobytnaya kul'tura. Moskva. [Тайлор, Э. Б. (1989), Первобытная культура. Москва.]
- ТОХТАБАЕВА 2005: Tokhtabayeva, Sh. Zh. (2005), Serebryanuy put' kazakhskikh masterov. Almaty. [Тохтабаева, Ш. Ж. (2005), Серебряный путь казахских мастеров. Алматы.]
- ТОХТАБАЕВА: Tokhtabayeva, Sh. Zh. Polevyye materialy (nablyudeniye, besedy, fotografirovaniye) avtora (1972–1973) v Vostochnom Kazakhstane, (1974–1975) v Centralnom Kazakhstane, (1967) v Severnom Kazakhstane, (1987–1988) v Zapadnom Kazakhstane, (1998) v Yujnom Kazakhstane. [Тохтабаева, Ш. Ж. Полевые материалы (наблюдение, беседы, фотографирование) автора (1972–1973) в Восточном Казахстане, (1974–1975) в Центральном Казахстане, (1976) в Северном Казахстане, (1987–1988) в Западном Казахстане, (1998) в Южном Казахстане.]
- ФРЕЗЕР 1980: Frezer, Dzh. Dzh. (1980), Zolotaya vetv'. Issledovaniye magii i religii. Moskva. [Фрезер, Дж. Дж. (1980) Золотая ветвь. Исследование магии и религии. Москва.]
- ШТЕРНБЕРГ 1936: Shternberg, L. Ya. (1936), Izbrannichestvo v religii. Pervobytnaya religiya v svete etnografii. Leningrad. [Штернберг, Л. Я. (1936), Избранничество в религии. Первобытная религия в свете этнографии. Ленинград.]

